ром в сущности то же, что и у его друга Гильома. С точки зрения Бернарда, Абеляр занимался рациональным исследованием тринитарных отношений, вторгаясь своими диалектическими доводами, rationes, и "рассужденьицами" (ratiunculae) в закрытую для обсуждений область троического богословия. То, что для Абеляра было лишь формой исследования богословского языка, Бернард воспринял как еретическое учение о таинственных отношениях внутри Св. Троицы. Именно в непонимании самого характера своего логико-грамматического исследования Абеляр и обвиняет Бернарда в "Апологии". Абеляр, как мы увидим из текста, разъясняет прежде всего контекстуальность значений имен Бога: они определяются не сами по себе, но только в зависимости от места, которое они занимают в высказывании.

Перевод выполнен по изданию: Petri Abaelardi opera theologica Ed. E. Buytaert // Corpus christianorum, continuatio mediaeualis / Turnhout, 1969. Vol. 11. P. 358–368.

АПОЛОГИЯ. ПРОТИВ БЕРНАРДА

Петр Абеляр

Чтобы, как говорит Боэций, "не терять время на вводные слова"[1], следует перейти к самому предмету (res), чтобы мою невинность защитить не многословием, а самой истиной вещей.

И первыми должны быть приведены те самые суждения, которые были выставлены против меня за мои сочинения, затем следует присоединить ответы, в которых лукавая ложь опровергается истинными доводами.

Итак, ты говоришь, что я написал о Боге, что Отец есть совершенное Могущество, Сын есть некоторое могущество, и Святой Дух – отсутствие могущества. Что Святой Дух одной субстанции не с Отцом, но с мировой душой. Что Христос воплотился не для того, чтобы избавить нас от ига дьявольского. Что ни "Бог и человек", ни "это лицо", которое есть Христос, не есть третье лицо в Троице. Что свободной воли самой по себе достаточно для некоторого блага. Что Бог может творить то, что творит, и прощать то, что прощает, только тем способом, которым Он это делает, и только в то время, в которое Он это делает, а не в другое. Что Бог не должен и не может препятствовать злу. Что от Адама унаследовали мы не вину, а лишь наказание. Что распявшие Христа в неведении не согрешили. Что не должно вменять в вину содеянное по неведению. Что у Христа не было страха Божия. Что власть связывать и отпускать была

[1] *Boethius*. De syllogismo categorico. PL 64; 794C.

дана только апостолам, а не их преемникам. Что посредством дел человек не делается ни лучше, ни хуже. Что Отец в первую очередь обладает не мудростью и благом, но всемогуществом, ибо оно не происходит от кого-либо другого. Что священный страх исключен из будущей жизни. Что дьявол делает внушения посредством камней и трав. Что пришествие в конце веков можно приписать Отцу. Что в ад сошла не сама душа Христа, но лишь ее сила. Что ни усилие, ни воля, ни вожделение, ни похоть, которые движут душою, не суть грехи, и мы не должны их подавлять. Наконец, в заключение упомянутых выше суждений обвинитель [Бернард] говорит: «Эти суждения содержатся частью в книге Теологии учителя Петра, частью в его же книге Сентенций, частью в книге называющейся "Познай самого себя"». Кем они были найдены, Бернард не поясняет, ибо он не может назвать автора выдуманных суждений.

Благодарение Богу за то, что даже при моем молчании написанное Бернардом уже само уличает его в обмане. Ибо содержащееся, по его утверждению, в моих книгах там не содержится и не могло быть мной написано.

Но поскольку, как напоминает святой Августин, "высокомерен тот, кто пренебрегает своим добрым именем"[2], и, согласно Туллию, "молчание заменяет признание"[3], то на отдельные утверждения, как и обещали, мы ответим, но в другом порядке, прибегнув к тому доводу, с помощью которого святой Григорий против языков отклоняющихся от веры научал правоверных следующими словами: "Следует знать, что как языки клеветников мы не должны возбуждать нашими учеными занятиями, дабы не привести их к погибели, так и возбужденных своей злостью мы должны невозмутимо терпеть, чтобы росла наша заслуга; иногда же и унимать их, чтобы, распространяя о нас злые слухи, не совратили тех невинных сердцем, которые могли бы слушать нас во благо"[4]. Внимая этому совету праведного и первейшего в изучении нравов мужа, я долго сносил твои обвинения, коими ты меня очернял, ожидая, что, быть может, из-за страха перед грехом или из почтения к честности ты прекратишь преследовать мою невинность или ослабишь начатое преследование. Теперь же, поскольку известен твой замысел, состоящий в том, чтобы неразумно начатое оборвать еще неразумнее, мы вынуждены обернуть твои копья против тебя самого, ибо, направляя стрелы в ближнего, выпускаешь их против себя же, чтобы исполнилось про тебя речение: "Если будешь продолжать говорить что хочешь, услышишь то, что не хочешь".

Негодует Марциал на Фидентина, чтеца своей книги, за то, что тот плохо читает слова его и присваивает их себе. Возмущается и го-

---

[2] *Augustinus*. Sermo 355, *PL* 39, 1568.
[3] *Cicero*. De inventione, lib. 1, 54.
[4] *Gregorius Magnus*. Homiliae in Hiezechilem prophetam, lib. 1, 9.

ворит: "То, что читаешь, принадлежит мне, Фидентин, но поскольку читаешь дурно, становится твоим".

Осуждается дьявол, который, плохо трактуя Писание, сказал Спасителю: "Поскольку ангелов Своих вверил Тебе" и т.д. Дьявол, хотя и плохо трактует Писание, приводит, однако, слова Писания, какой бы смысл он им ни придавал. Ты же, отступая как от слов моих, так и от их смысла, больше с помощью своих выдумок, чем с помощью сказанного мною пытаешься спорить, и, когда объявляешь, что осудил меня и написанное мною, разглашаешь мнение, относящееся больше к тебе самому и твоим писаниям. Также вменяешь мне в вину некоторые будто бы еретические суждения, которые не могут быть опровергнуты никаким доводом, никаким авторитетом.

Итак, беря начало первого суждения, спрашиваю тебя, во-первых, где я сказал или написал утверждаемое тобою: "Что Отец есть совершенное могущество, Сын – некоторое могущество, Святой Дух – отсутствие могущества"? Предоставь написанное, если сможешь, и меня повяжешь еретиком, но если сделать это не сумеешь, то себя самого смущаешь, столь злое измышляя на близкого. Скажешь, пожалуй, что я не эти именно слова написал или произнес, но высказал то же самое мнение иначе. О, если бы ты так выразил мое мнение, что не исказил его [своими] словами, тогда не осталось бы в рассуждении твоем никакого коварства! Полагаю, ты для того только склонился к такому мнению, чтобы счесть меня сказавшим, что "Сын есть некоторое могущество, и Святой Дух – никакое", на основании некоторых моих слов, с помощью которых я, различая рождение Сына и исхождение Духа, называл действительно самого Сына "мудростью Божией" и Святого Духа "любовью" Его, или "благостью". Далее я сказал, что мудрость Бога называется неким могуществом Его, а именно таким, с помощью которого Он может все различать (т.е. способностью истинного различения всего), или судить обо всем, так что не может в чем-либо ошибиться по неведению Он, перед чьим взором все обнажено и открыто. Сказал также, что любовь Его больше относится к чувству благоволения, чем к силе могущества, ибо эту любовь следует скорее называть "волей" Бога, чем "властью". Это та наилучшая воля Бога, которой Он все волит или устраивает к свершению наиболее подходящим образом и для всех желает приуготовить приход к наилучшему концу, чтобы таким образом каждая вещь стала как можно лучше. Итак, любовь Бога, или благость, есть Его наилучшая воля к свершению или к наилучшему устроению всего, как было сказано, а не могущество делать и устроять. Ибо, будь то в нас или у Бога, любовь, или благость, не должна называться "могуществом", потому что любить, или быть благим, никоим образом не значит мочь что-либо, ибо часто более благосклонные и любящие реже могут добиться желаемого, и более благоволящие, богатые устремлениями, бедны деяниями и менее могущественны. Поэтому подобно тому как мудрость

Божия, под которой мы понимаем Сына Его, есть некоторое могущество, или способность Бога, а именно, способность всеведения или различения всего, чтобы Он не мог ошибиться в чем-либо по неведению, так и любовь Его, или благость, которую именуем Духом Святым, есть скорее, как мы определили, Его воля наилучшая, чем могущество. Ибо хотя тот, кто желает, также и может, от этого, однако, воля не называется "могуществом", так как "желать что-либо" никак не есть "мочь это". Ведь одушевленный телесен, однако "одушевленность" не есть "телесность". И, обращая это к Богу, – Вечный был воплощен, однако "вечность" не есть "воплощение". Итак, поскольку я назвал мудрость Бога некоторым могуществом Его, т.е. способностью все знать и различать, и, опять же, любовь Его назвал не некоторым могуществом, но волей, полагаю, что ты, брат, потому пришел к этому мнению, что считаешь, будто я доказываю этим, что Сын Божий, именуемый мудростью Его, есть лишь некоторое могущество, и Святой Дух, который именуется Его любовью, вовсе не есть могущество. Явно ошибаешься, брат, словно совершенно не понимая смысл слов, будучи лишен науки, которая наставляет в рассуждении и не только обучает понимать слова, но и служит анализу смыслов. Теперь узнай то, чего я не высказывал, и то, чему я не учил: хотя "мудрость Божия" есть то же, что и "Сын Божий", или "любовь Божия" есть то же, что и "Дух Святой", однако не то же самое сказать или подумать "Сын Божий есть некоторое могущество Бога" и "мудрость Божия есть некоторое Его могущество" или "Святой Дух не есть могущество Бога" и "милость или любовь Его не есть могущество". Ведь часто случается, что хотя некоторые слова, взятые сами по себе, означают одно и то же, однако, когда они ставятся в предложения, то смысл предложений, включающих эти слова, делается разным: в одном случае истинным, в другом – ложным. Это определенно следует приписывать предложениям как о творениях, так и о Самом Творце. Ибо "сидящий" и "тот, кто сидит" суть одного значения, и сходным образом "отец" и "имеющий сына" или "обладающий отцовством" не отличаются в значении. Однако, хотя в отношении того, кто не сидит, истинно высказывание "будет сидящий", не истинно – "будет тот, кто сидит"; или, хотя истинно о некоем человеке, что "он есть отец кого-то", не истинно, что "он есть имеющий сына кого-то" или "имеющий отцовство кого-то". Так и в отношении Бога есть некоторые слова одинакового значения, которые меняют смысл, когда к ним прибавляются одни и те же слова. Ибо "Бог" есть не что иное, как само "божество", и имя "Бог" обозначает то же, что имя "божество". Однако, если я скажу "Бог есть человек" и "божество есть человек", "Бог принял страдания" и "божество приняло страдания", предложения эти сильно отличаются: одни из них принимаются, другие отвергаются. Сходным образом, хотя мы говорим, что "Бог" есть не что иное, как "божественная субстанция"

или "субстанция Бога", тем не менее мы не называем субстанцию Бога распятой или страдавшей, или умершей, или от Девы рожденной, при том что считаем допустимым говорить это о Боге. Или хотя "Бог" есть ни что иное, как "субстанция Бога", однако "быть из Бога" или "быть в Боге" не то же самое, что "быть из субстанции Бога" или "в субстанции Бога". Ибо, имея в виду Бога, Апостол говорит: "От Кого все, Кем все, в Ком все", и, согласно Иоанну, от Бога многие были рождены, однако они никоим образом не должны называться рожденными из божественной субстанции. При том, что сам Бог есть дух, т.е. субстанция духовная и простая, человек же вещь телесная и сложная, неужели, говоря "Бог есть человек", согласимся и с утверждениями "Святой Дух есть человек", "духовная субстанция есть телесная", или "простая вещь есть сложная", или "Святой Дух, Который есть Бог, имеет плоть и кости" из-за того, что "Бог есть человек", а человек имеет плоть и кости? Опять же, подобно тому, как Бог именуется Своим, а не чьим-либо иным могуществом, и справедливостью Своей, а не чужой, неужели в то время как о Нем говорится, что Он есть мудрость или любовь, должно отрицать, что Он есть Своя мудрость или Своя любовь? И если Бог Отец есть Своя мудрость и Своя любовь, неужели в силу этого станем утверждать, что Он есть Свой Сын или Свой Дух, а именно из-за того, что Сын Божий есть мудрость Божия или Святой Дух есть Его любовь? Или поскольку совершенно одна и та же мудрость или любовь есть у трех лиц, и как Сын, так и Дух Святой имеют мудрость Отца и любовь Отца, так как совершенно одинаково познают и любят, неужели Сын имеет сына Отца как бы от Себя рожденного, или Святой Дух – Святого Духа Отца как бы от Себя исходящего? Как бы то ни было, из одного не следует принимать другое, хотя сама мудрость есть Сын Божий и любовь Божия – Святой Дух.

Также и когда мы полагаем, что мудрость Божия есть некоторое Его могущество, т. е. способность различения всего, и любовь Его называем скорее волей Его, чем могуществом, это не принуждает нас согласиться, что или Сын Божий есть некое могущество Его, или Святой Дух – отсутствие могущества. Ведь, поскольку три лица суть одной и той же субстанции или одного и того же могущества, также как они суть совершенно одной сущности и достоинства, то каждое лицо именуется всемогущим, как мы и учили в самой "Теологии". И никоим образом не следует называть Сына лишь "некоторым могуществом", в отличие от Отца, или Святого Духа "лишенным могущества". Ибо каждое из трех лиц равно по могуществу с двумя другими, равно по мудрости и по благости, хотя именем "Отец" выражается в первую очередь божественное могущество, как и именем "Сын" – божественная мудрость, и именем "Дух Святой" – благость божественной любви. Таким образом, значение слов следует тщательно взвешивать как в одних и тех же, так и в различных выражениях, чтобы можно было отличить истинный

смысл предложения от истины. Итак, когда говорится "мудрость Бога есть некоторое Его могущество", то есть способность различения всего, то это так есть. Также, если мы скажем, что Он всецело есть Бог, что Он мудр, и что Бог имеет эту способность различения, то это истинно. Если же говорится "Сын Божий есть некоторое могущество" так, словно этим отмечается, что Он может лишь кое-что, а не все, то смысл абсолютно не верен. Ведь могущество Сына и могущество Отца равно могут все, и Отец и Сын равно знают все.

Тем же способом, каким мы говорили о Сыне и каким следует отвечать на возражения о мудрости Божией, будет легко найти решение о Святом Духе и любви Божией, а именно, хотя мы говорим: "любовь Божия не есть некое могущество", мы не утверждаем, однако, что "Святой Дух лишен могущества". Ибо и в Боге, и в нас любовь должна называться не "могуществом", но "волей", потому что никак нельзя говорить, что "любить" означает "мочь что-либо", но можно сказать, что "любить" означает "иметь благую волю в отношении чего-либо". А Дух Святой должен называться могуществом равно с Отцом и Сыном, потому что Его могущество не меньше, чем могущества Отца и Сына может исполнить то, что желает. Итак, я считаю, что достаточно ответил на первый твой упрек, клеветник, брат Бернард.

Теперь перейдем к остальным положениям. Вторым было твое обвинение, в котором ты утверждаешь, будто бы я говорил, что "Святой Дух не единосущен Отцу". На это я, во-первых, отвечаю, что ясно утверждал в той же самой книге, где, как ты думаешь, я изобрел то, в чем ты меня обвиняешь, что Отец, Сын и Святой Дух имеют одну и ту же субстанцию или сущность, и что как Сын, так и Святой Дух суть совершенно одна и та же субстанция, или сущность, и что как Сын, так и Дух Святой происходят от Отца: первый – как рожденный, второй – как исходящий. Я отвечаю также, что нисколько не отклонился в вере от католиков, и если даже иногда кажется, что я отличаюсь от них словами, то я им не противоречу. Но дабы полнее разъяснить как слова мои, так и мое понимание, чтобы ты совсем не имел, что возразить... .

ФРАГМЕНТЫ ИЗ УТРАЧЕННОЙ ЧАСТИ "АПОЛОГИИ", СОХРАНЕННЫЕ ФОМОЙ МОРИНЬИНСКИМ

[*ИЗ ОТВЕТА АБЕЛЯРА НА УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО "СВЯТОЙ ДУХ ЕСТЬ ДУША МИРА"*]

Я называю "Божией благодатью" все, что Бог направляет от Себя ко спасению человека, вручая ему то, что тот не заслужил. Ибо говорит Апостол: "Дары были даны согласно избранию спасительной благодати". Если же по благодати, то не по делам. В противном случае благодать уже не была бы благодатью. Благодать Бога есть у

---

[5] Заголовки в квадратных скобках приведены издателем трактата.

праведников Его, потому что Он их предопределил от века и потому что вдохновил их веру. Благодать и вера непременно предшествуют нашим заслугам, и без них мы не можем возлюбить Бога, чтобы заслужить спасение. Ибо сама любовь, которую Он сначала вызывает в нас посредством благодати и веры, есть действие самого Бога или дар Его, и должна причисляться к Его благодати, прежде которой мы не можем заслужить никакого спасения. Поэтому Апостол и говорит: "Что имеешь ты, чего не получил бы?" Следовательно, и само свободное произволение, поскольку оно есть благо, – это дар божественной благодати, как и сам разум, которым оно определяется. И свободное произволение, и разум, которым оно определяется, суть общие для избранных и осужденных.

Таким образом, Господь, наделяя разумом как избранных, так и осужденных, также показывает, каким образом должно приходить к блаженству и к восприятию того, что Он предлагает всем, беспрестанно увещевая и поощряя нас. Иные Его слушают и повинуются заповедям, живя достойно, так, что воспринимают предложенные дары, другие пренебрегают заповедями и, пребывая в своей праздности, избегают труда послушания. Осужденных Господь подготовил к правильной жизни, так же как и избранных, – наставлением, увещеванием, ниспосланием возможностей, дабы не было недостатка в приуготовлении. Но ты говоришь, что Бог не сотворил благую волю в осужденных, как в избранных. Не должно винить осужденных за то, что не живут праведно подобно избранным, так как у них отнята благодать к праведной жизни, без коей они никак не могут жить праведно.

[ИЗ ОТВЕТА АБЕЛЯРА НА УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО "БОГ НЕ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК", И ЧТО "ЭТО ЛИЦО", КОТОРОЕ ЕСТЬ ХРИСТОС, "НЕ ЕСТЬ ТРЕТЬЕ ЛИЦО ТРОИЦЫ"]

Когда ты утверждаешь, что я не говорю, что Бог и человек суть одно лицо Троицы, то явно признаешь, что ты сам это имеешь в виду. Поскольку это противоречит здравой вере, я хочу разобрать твою ошибку. Ибо эти две природы – Бога и человека, – взятые либо по отдельности, либо совместно, не могут называться одним лицом Троицы. Итак, лицом вечной Троицы следует называть не человека, в котором воплотилось Слово, а само Слово, с Которым он соединен. Если же о Боге и человеке по отдельности не следует говорить, что они суть некое лицо в Троице, то еще менее можно говорить об этих двух природах совместно. Ибо эти две природы не могут быть чем-то вечным, покуда одна из них лишена вечности. Только то, что однажды было в этой Троице, навечно пребудет в том же лице, и ничто новое в эту Троицу не войдет, потому что нельзя считать Бога временным (recens). Всеми способами следует остерегаться при-

писать Троице нечто такое, чего в ней не было бы всегда, и поселить в ее вечности нечто временное, в ее простоте – нечто сложное, в ее бестелесности – нечто телесное, в ее древности – нечто новое. И поскольку эти две природы не могут быть чем-то вечным (aliquid aeternum), так как одна из них лишена вечности, то "Бог и человек" не является лицом Троицы.

[ИЗ ОТВЕТА АБЕЛЯРА НА УТВЕРЖДЕНИЕ,
"ЧТО БОГ МОЖЕТ СОВЕРШАТЬ ТО, ЧТО СОВЕРШАЕТ,
И ОТПУСКАТЬ ТО, ЧТО ОТПУСКАЕТ,
ТОЛЬКО ТЕМ СПОСОБОМ, КОТОРЫМ ОН ЭТО ДЕЛАЕТ,
И ТОЛЬКО В ТО ВРЕМЯ, А НЕ В ДРУГОЕ"].

В любом случае и без всякого сомнения следует придерживаться того суждения, что всякое благо, которое Бог имеет в себе, нисколько не может в Нем вырасти или уменьшиться. В самом деле, как могущество Его или мудрость со-вечны Ему, также и воля, которую Он имеет во всяком делании или устроении, со-вечна Ему. Ибо в Боге быть всемогущим и быть благоволящим не суть разное, для Него это значит быть Собой и быть Богом, как говорили авторитеты. И воля Его и могущество Его суть не что иное, как Он сам. Августин в седьмой книге "Исповеди" говорит: "Тебя нельзя принудить к чему-нибудь против воли, ибо воля Твоя не больше твоего могущества. Она была бы больше, если бы Ты Сам был больше Самого Себя, но воля и могущество Бога – это сам Бог". Следовательно, если Бог может совершать только то, что подобает Ему совершать или желать, тогда Он может совершать или желать совершать только то, что Он совершает, и только тем способом и в то время, каким и когда Он это совершает, ибо не подобает Ему совершать или хотеть совершать это другим способом или в другое время.

Перевод *Д.К. Маслова*

ОБЪЕКТИВНАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ СПИНОЗЫ

М.Д. Майданский

Кант некогда квалифицировал философию Спинозы как "идеализм целесообразности", уточнив, что речь идет о целесообразности *объективной*[1]. Что это значит? Имеет ли вообще смысл сочетание контрарных терминов "целесообразный" и "объективный"? Ведь действование по целям считается атрибутом мыслящего субъекта, некоего *Я*, наделенного сознанием и волей. "Объективное" же, напротив,